Овчинников Александр Викторович

УЧЕНИЕ Л. Н. ГУМИЛЕВА В ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Впервые в историографии изучения работ Л. Н. Гумилёва ставится проблема структурной корреляции содержания выполненных в рамках "теории этногенеза" исторических сочинений (мифов) и социальных практик порождающей их среды. В качестве методологии научного анализа предлагаются выработанные в социально-культурной антропологии подходы. Выявляется эвристический потенциал методологического инструментария, и намечаются пути дальнейшего изучения проблемы с позиций концепта "архаический синдром".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/7-2/35.html

Источник

<u>Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики</u>

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 125-128. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: woprosy-hist@gramota.net

УДК 93/94

Исторические науки и археология

Впервые в историографии изучения работ Л. Н. Гумилёва ставится проблема структурной корреляции содержания выполненных в рамках «теории этногенеза» исторических сочинений (мифов) и социальных практик порождающей их среды. В качестве методологии научного анализа предлагаются выработанные в социально-культурной антропологии подходы. Выявляется эвристический потенциал методологического инструментария, и намечаются пути дальнейшего изучения проблемы с позиций концепта «архаический синдром».

Ключевые слова и фразы: социально-культурная антропология; Л. Н. Гумилёв; миф; община; этнос; этногенез; примордиализм; химера; архаический синдром.

Овчинников Александр Викторович, к. ист. н.

Казанский национальный исследовательский технологический университет ovchinnikov8 831@mail.ru

УЧЕНИЕ Л. Н. ГУМИЛЕВА В ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ[©]

Уровень развития современной гуманитарной науки, опирающейся на методологический базис постмодернизма, не позволяет назвать выполненные в примордиальном духе работы Л. Н. Гумилёва научными. Кроме всего прочего, эту мысль подтверждают отсутствие как со стороны самого автора, так и его сторонников серьёзных ответов [1] на обоснованную критику¹, не раз отмечавшиеся специалистами концептуальные (биологическая детерминация социальных процессов [20, с. 280-282, 285, 328-361; 21, с. 57-74]) и источниковедческие («вольное» обращение с источниками) изъяны гумилёвского учения, а также настораживающие «пересечения» последнего с расовой «теорией» нацизма [19]. Нахождение произведений Льва Николаевича в «научном поле» делает их легко уязвимыми для критики. Однако критика Л. Н. Гумилёва как профессионального историка принесёт меньше пользы, чем научный анализ его работ как культурноисторического явления. В этом случае мы сможем глубже понять Льва Николаевича, объяснить закономерности его ошибок и попытаться минимизировать негативное влияние «гумилёвства» на умы современников.

Целью статьи является попытка изучения исторических сочинений Л. Н. Гумилёва сквозь призму его мировосприятия и окружавших его социальных связей. Корректность поставленной цели обусловлена переживаемым современной исторической наукой лингвистическим поворотом [4, с. 303], согласно которому прошлое – это находящийся внутри языка и конструируемый им объект. «Прошлое» по качественным характеристикам структурно не отличается от других конструктов языка, воспринимаемых как реальность. Этот вывод даёт право корректно устанавливать причинно-следственные связи между содержанием творчества Л. Н. Гумилёва и, на первый взгляд, внешними по отношению к нему (творчеству) фактами. Необходимый для подобных корреляций методологический инструментарий может предоставить социально-культурная антропология.

Как было указано в начале статьи, работы Льва Николаевича не выходят за рамки примордиализма, который постулирует вековое существование неких «народов». Человек с рождения «приписан» к своему народу, чья «судьба» является и его «судьбой». Эта идеологема не имела бы успеха, если бы не находила опору в иррациональных особенностях массового сознания. Примордиалистское понимание нации сегодня распространено в развивающихся (посттрадиционных) странах (к ним я отношу Россию и другие страны СНГ). В этих обществах по-прежнему «силён» коллективизм, так или иначе связанный с общинностью. В доиндустриальных обществах население разделялось на замкнутые корпорации – общины, человек часто жил в пределах своей округи, не зная мира «дальше холма или речки». Неудивительно, что на Востоке в эпоху модернизации стали складываться образы «наций» с такими признаками, как единство происхождения, языка, религии, территории расселения и т.д. Иными словами, привычные представления об общине под влиянием западной обществоведческой мысли трансформировались в образы «этносов» и «национальностей». Сегодня эти образы поддерживаются как мощным идеологическим прессом, так и реальными (восходящими к той же общинности) социальными практиками (постоянным нахождением человека в коллективе: городском дворе, школьном классе, студенческой группе, армейской роте и т.д.).

Теория этногенеза представляет собой миф, при помощи которого «объясняются» прошлое и настоящее, делаются прогнозы на будущее. В «этносах» Л. Н. Гумилёва нетрудно увидеть черты существующих в отечественном социуме корпораций (используемый К. Марксом термин «Gemeinwesen» («община») Лев Николаевич упорно переводил как «этнос» [7, с. 35, 69; 8, с. 151; 13, с. 462], это противоречие отмечали даже сторонники Л. Н. Гумилёва [12, с. 18, 19]). Например, являющийся огромной корпорацией университет состоит из факультетов, те, в свою очередь, — из кафедр и студенческих групп. Даже в тюрьмах и лагерях, где Л. Н. Гумилёв провёл немало времени, заключённых делят на отряды и бригады. Эта характерная

[©] Овчинников А. В., 2013

¹ Историографию научной критики работ Л. Н. Гумилёва см. [5], обширная библиография, в том числе «критическая», собрана в диссертационной работе А. Д. Гомбожапова [3, с. 155-169].

для большинства российских, а в прошлом и советских, учреждений пирамидально-корпоративная дифференциация проявилась в теоретических построениях Льва Николаевича, писавшего, что «принцип этической структуры можно назвать иерархической соподчинённостью субэтнических групп, понимая под последними таксономические единицы, находящиеся внутри этноса (как зримого целого) и не нарушающие его единства» [6, с. 19]. Видимо, осмысление функциональных (и, следовательно, потенциально изменяемых) отношений между людьми в сознании Л. Н. Гумилёва происходило в форме иерархично устроенных конструктов, напоминающих пирамиду, по ступеням которой «группировалась» получаемая извне информация.

В условиях отечественной действительности каждое учреждение и любая корпоративная единица внутри него являются полузамкнутыми мирами со своими установившимися взаимоотношениями и традициями. Коллектив, как и «этнос» в построениях Л. Н. Гумилёва, воображается не простой суммой индивидов, а особой «целостностью». Эта общность занимается деятельностью на вменённой территории (в том числе и символьной), что напоминает утверждение Л. Н. Гумилёва о необходимости наличия для каждого «этноса» своего «вмещающего ландшафта». Отношения между специализирующимися по разным вопросам коллективами могут быть нормально-нейтральными, но в случае конкуренции, когда на общем «поле» приходится вырабатывать один «продукт», возникает антипатия, настроения типа «свой — чужой». Л. Н. Гумилёв, познавший всевластие корпорации-общины как в лагере, так и в академической жизни, вероятно, неосознанно перенёс эти реалии в свои произведения.

Видимо, этим же можно объяснить и так называемые «химеры», когда в «родной ландшафт» одного «этноса» приходит «этнос-чужак», и оба они якобы создают непрочное, верно идущее к гибели образование. Мне пришлось быть свидетелем «укрупнения» нескольких казанских вузов, и главный (не озвучиваемый официально) аргумент против такой трансформации сводился к боязни «не ужиться с чужаками». Такие же волнения охватывают школьников при объединении классов — мальчишки знают, что предстоят драки для установления новой иерархии. Скорее всего, Л. Н. Гумилёву приходилось переживать в лагере «укрупнения», перетасовки отрядов и связанные с ними «притирки» во взаимоотношениях. Для Льва Николаевича, по моему мнению, этот процесс был особенно болезненным. До разделения уголовников и «политических» он, видимо, относился к низшей «касте» лагерного мира (по наблюдениям Л. С. Клейна, известного отечественного археолога, который сам отбывал заключение в советской тюрьме [10]).

Сложности, видимо, возникали и в его коммунальной квартире с появлением новых соседей. Если наладить отношения не удавалось, то жизнь становилась невозможной, а рефлексия о «разнице характеров» выступала в роли психологической защиты от ежедневных стрессов, что не могло не отразиться на образе «химеры». Намёк на непростые отношения с соседями обнаруживается в воспоминаниях жены Л. Н. Гумилёва Натальи Викторовны: «Мы переехали на Большую Московскую... Там мы прожили 16 лет, соседей была всего одна семья, но того тепла и человечности, как в предыдущей квартире, мы в соседях уже не чувствовали» [9, с. 16].

Учитывая, что современные российские трудовые коллективы в силу искусственного характера урбанизационных процессов имеют много сходных черт с крестьянскими земледельческими общинами [15], в этапах «жизнедеятельности этноса» можно увидеть закономерности развития общины. Последняя могла совпадать с большой патриархальной семьей, а могла быть объединением нескольких неродственных семей в
пределах одной деревни (семья + семья + ... = община = деревня, что, по моему мнению, в принципе, равнозначно гумилёвскому «этнос» + «этнос» + ... = «суперэтнос» или «субэтнос» + «субэтнос» + ... = «этнос»).
Время выхода «энергичной» (вернее, сильно разросшейся) семьи из деревни на новое место жительства
можно обозначить как период своеобразного пассионарного толчка, приведшего к появлению новой общности. Так же можно охарактеризовать и время выделения из большой патриархальной семьи семей малых,
постепенно превращающихся в большие. Подобные процессы появления новых больших семей происходили и у кочевников-скотоводов и обычно вызывались демографическим ростом.

В советских и российских государственных организациях проблема переизбытка сотрудников часто решалась и решается за счёт появления новых подразделений. Инициаторами их создания обычно являются наиболее энергичные и нацеленные на карьеру сотрудники, которым в силу здоровых амбиций становится трудно работать с прежним руководством. Через некоторое время уже из этого коллектива может выделиться другой. Деления могут продолжаться бесконечно долго, и единственным ограничителем являются финансовые возможности организации в целом. (Выводы сделаны на основе анализа реорганизации кафедры «История КПСС» одного из крупнейших провинциальных университетов. В течение последних 20 лет часть бывших сотрудников этой «материнской» кафедры (продолжавшей существовать под другим названием) создала в том же вузе ещё 8 кафедр. Благодаря набору новых сотрудников общая численность персонала увеличилась в десятки раз).

Что касается построений Л. Н. Гумилёва, то структурные принципы подобных делений нашли отражение в наукообразных графиках этногенеза, подъёма и спада так называемой «пассионарной энергии» (в реальности речь идёт о специфической социальной энергии, которая, вопреки мнению Льва Николаевича, вряд ли имеет космическое или биологическое происхождение).

Если учение Л. Н. Гумилёва в качестве мифа отражает действительно существующие социальные практики, то строительным материалом для этого мифа служат отдельные данные исторических источников. Именно отдельные данные, т.к. профессиональная критика источника, рассмотрение его в комплексе с другими материалами, может разрушить стройные ряды сменяющих друг друга «этносов».

На стиле исследовательской работы сказалось известное увлечение Л. Н. Гумилёва поэзией, в которой важны поэтический слог, рифмы и созвучия, чьи структуры напоминают характерные для мифа ассоциативные ряды. Интересно заметить, что, придя однажды на экзамен по марксизму-ленинизму с температурой под 40 градусов, он добился разрешения отвечать... стихами. На вопрос «Народничество и его роль в революционном движении в России» Лев Николаевич продекламировал главу из поэмы Бориса Пастернака «Девятьсот пятый год», «автор которой через систему образов показал исторические условия возникновения народничества и его эволюцию» [2, с. 175-177].

Нельзя не отметить особенность мировоззрения Л. Н. Гумилёва, которую с полным основанием можно назвать мифической. Он считал, *«что жизнь человека развивается циклично, причём у каждого имеется свой "график" взлётов и падений, благополучия и неприятностей. Верил он, конечно, в такую закономерность и своего бытия»* [Там же, с. 175]. Характерная для сюжетов мифов цикличность обнаруживается в «теории этногенеза» Льва Николаевича и присутствует в заголовках его произведений («Конец и вновь начало», «Ритмы Евразии»). Цикличность названий книг и статей дополняется бинарностью, что также находит объяснение в дискурсе мифа («Этногенез и этносфера», «Древняя Русь и Великая степь», «От Руси к России», «Этногенез и биосфера Земли» и т.д.).

Сама схема конструирования мифа относительно проста. Из источников берутся сведения о «хуннах», «тюрках», «болгарах», «хазарах» и т.д. Что изначально понималось под этими названиями, не уточняется, хотя известно, что часто древние и средневековые авторы писали о единых только в их воображении (подчёркнуто мною -A. O.) группах населения. Мнимое единство было результатом классификаций внешних наблюдателей (в основном путешественников). Догадывались ли сами разделённые на общины и рода люди, что принадлежат к чему-то большему, чем привычный с детства круг? Для древности и средневековья ответ на этот вопрос будет отрицательным.

В «Автонекрологе», опубликованном в 1988 г., Лев Николаевич констатирует, что в школьные годы в Бежецке увлечённо осваивал «без труда, но с удовольствием» сочинения М. Рида, Ф. Купера, Ж. Верна, Д. Лондона, А. Дойля, В. Скотта, Р. Стивенсона [5, с. 203]. Произведения названных писателей можно назвать ориентальными, в них рисуются сказочные образы колонизируемых европейцами территорий, которые населены гомогенными, с точки зрения путешественников, «народами». Эти образы прочно укоренились в сознании молодого Гумилёва и создали «предпонимание» конкретного источника.

Следует особо отметить, что в феодальную и более ранние эпохи в центре государства как системы управления, за редкими исключениями, находилась правящая семья (Дом), и во многих случаях сообщения о «табгачах», «динлинах», «эфталитах» — это известия о вехах истории правящих семей, а не временно объединённого под их властью разноязыкового и поликультурного населения. В трудах Л. Н. Гумилёва отношения между правящими Домами представляются как взаимодействие «этносов». Сообщения источников о «народах» являются далёкими от реальности образами, имеющими источниковедческое значение только в контексте каждого отдельного нарратива. Вырывание этих образов из контекста, «сцепление» их в координатах новых смыслов и попытка при помощи получившегося повествования объяснить современную реальность представляют собой типичный пример мифа с его структурой и функциями.

Образы «этносов» накладываются у Л. Н. Гумилёва на образ географической карты, причём полотно со знаками первично, а маркируемая им территория вторична. Иными словами, не столько особенности конкретной местности формируют содержание карты, сколько содержание последней обуславливает восприятие определённого ландшафта (подробнее о характерной для отечественной культурной традиции замене реальности текстом, знаком, видимостью см. в работе С. А. Медведева [14]). Обобщение образов «этносов» происходит у Льва Николаевича по законам мифического мышления, склонного из суммы отдельных признаков разных объектов создавать новое целое, что видно на примерах «ксений», «симбиозов» и «химер» [7, с. 59-63].

Объяснение сути «гумилёвства», причин его популярности и пропаганды может происходить с позиций концепта «архаический синдром» [18], когда социальные потрясения способствуют деградации высших форм культуры и «возвращению» массового сознания на исходные рубежи интеллектуальной эволюции (сегодня данную проблему разрабатывает К. Л. Банников [17]). Здесь можно выделить следующие направления работы: 1) подробный анализ влияния на мировоззрение Л. Н. Гумилёва атмосферы тюрем и лагерей, которые являются «заповедником архаики» [16]; 2) изучение причин «массового восторга» учением Л. Н. Гумилёва в «лихие» 90-е, когда оно воспринималось как «откровение» (коллега Льва Николаевича по кафедре экономической географии Ленинградского университета С. Б. Лавров следующим образом описывает последние дни жизни учёного: «Тревожным было лето 92-го. Тревожным для всех – распад страны, шок первых реформ, какая-то зыбкость и неуверенность в "новой российской жизни". А в Ленинграде в эти дни тяжело болел Лев Гумилёв...» [12, с. 13]. Массовый интерес «к его судьбе в мрачные июньские они 92-го» [Там же] С. Б. Лавров объясняет следующим образом: «Думается, это был какой-то инстинктивный порыв – осознание того, что из жизни уходит очень необычный человек, носитель такого знания, которое особенно пригодилось бы в «новое смутное время» России» [Там же, с. 14]); 3) политологический анализ использования «гумилёвства» элитами постсоветских государств в качестве идеологии, постулирующей «возвращение к истокам», что в реальности приводит к архаизации многих сторон жизни общества (особенно политической) и замедляет процессы демократизации.

Подводя итоги предпринятой попытки изучения творчества Л. Н. Гумилёва с позиций социально-культурной антропологии, следует указать на потенциальную эвристичность и в целом перспективность

выбранного подхода. Главным итогом данного этапа исследования является, как кажется автору, установление корреляции, даже иногда трудно дифференцируемого единства, взглядов Л. Н. Гумилёва на прошлое, с одной стороны, и окружавшей его социальной среды — с другой. Теория этногенеза, какой бы оригинальной она ни казалась, ещё до рождения в лагерном бараке была предопределена в своих качественных параметрах. Личное осмысление окружающего безликого корпоративного мира было «опрокинуто» в прошлое. Важно отметить, что принципиально иного объяснения исторических событий и явлений, в котором главная роль отводилась бы реальному человеку, а не коллективному организму, просто не могло возникнуть.

Главная заслуга Льва Николаевича, за которую ему должны быть благодарны современные историки, — это не «теория этногенеза», а совершённый им жизненный подвиг. Сложные перипетии судьбы Л. Н. Гумилёва, в которой отразились основные события истории XX в., представляют для науки большую ценность, нежели его «открытия» в области этнического. Пример Льва Николаевича в очередной раз доказывает, что положительные изменения в качестве научной мысли возможны только вместе с коренными переменами в устройстве того общества, в котором живёт учёный.

Список литературы

- 1. Бондарев А. В. Феномен Льва Гумилёва и проблемы его восприятия // Евразийство и проблемы современной науки: коллективная монография / сост. Т. В. Сорокина; науч. ред. Р. М. Валеев, Р. Р. Юсупов; Казан. гос. ун-т культуры и искусств. Казань: ИИЦ «Культура», 2012. С. 20-68.
- 2. Вознесенский Л. А. «Можно, я буду отвечать стихами?» // «Живя в чужих словах...»: воспоминания о Л. Н. Гумилёве / сост., вступ. ст., коммент. В. Н. Вороновича, М. Г. Козыревой. СПб.: Издательство «Росток», 2006. С. 173-189.
- 3. Гомбожапов А. Д. Кочевые цивилизации Центральной Азии в трудах Л. Н. Гумилёва: дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2008. 180 с.
- **4. Губин В. Д., Стрелков В. И.** Власть истории: очерки по истории философии истории: курс лекций. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. 330 с.
- 5. Гумилёв Л. Н. Биография научной теории, или Автонекролог // Знамя. 1988. № 4. С. 202-216.
- 6. Гумилёв Л. Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990. 280 с.
- 7. Гумилёв Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия / сост. и общ. ред. А. И. Куркчи. М.: Институт ДИ-ДИК, 1998. 590 с.
- 8. Гумилёв Л. Н. Чёрная легенда. Друзья и недруги Великой степи. М.: ЭКОПРОС, 1994. 621 с.
- 9. Гумилёва Н. В. 15 июня // Вспоминая Л. Н. Гумилёва: воспоминания, публикации, исследования / сост. и коммент. В. Н. Воронович, М. Г. Козырева; подготовка к публикации следственного дела: Козырев А. Н. СПб.: Издательство «Росток» 2003 С. 13-21
- ство «Росток», 2003. С. 13-21.

 10. Клейн Л. С. Загадка Льва Гумилёва [Электронный ресурс]. URL: http://trv-science.ru/2011/05/10/zagadka-lva-gumilyova/ (дата обращения: 07.06.2013).
- 11. Кореняко В. А. К критике концепции Л. Н. Гумилёва // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 22-35.
- **12.** Лавров С. Б. Лев Гумилёв: судьба и идеи. М.: Сварог и К, 2000. 406 с.
- **13. Маркс К.** Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Госполитиздат, 1969. Т. 46. Ч. 1. С. 461-508.
- **14. Медведев С. А.** СССР: деконструкция текста (к 77-летию советского дискурса) [Электронный ресурс]. URL: http://old.russ.ru/antolog/inoe/medved.htm (дата обращения: 07.06.2013).
- **15. Овчинников А. В.** Особенности эволюции общины в России (XX-XXI вв.) // Реформы и революции в России в контексте истории и социальной практики XX-XXI вв. (к 150-летию со дня рождения П. А. Столыпина): 4-е Арсентьевские чтения / сб. ст. Всерос. науч. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. С. 253-258.
- 16. Самойлов (Клейн) Л. Этнография лагеря // Советская этнография. 1990. № 1. С. 96-108.
- 17. Семинар «Архаический синдром. Современность вне временного» [Электронный ресурс]. URL: http://theoryand practice.ru/seminars/35707-arkhaicheskiy-sindrom-sovremennost-vne-vremennogo-7-11 (дата обращения: 07.06.2013).
- **18.** Следзевский И. В. Концепция программы «Архаический синдром в бывшем Советском Союзе. Проблема возрождения архаического сознания в экстремальных жизненных ситуациях и в закрытых культурных средах» // Пространство и время в архаических культурах. М.: Центр цивилизац. и регион. исслед. РАН, 1992. С. 78-89.
- 19. Шнирельман В. А. Лев Гумилёв: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 3-21.
- **20.** Шнирельман В. А. «Порог толерантности»: идеология и практика нового расизма. М.: Новое литературное обозрение, 2011. Т. 1. 552 с.
- Шнирельман В. А. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и её истоки. М. Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2012. 312 с.

L. N. GUMILEV'S DOCTRINE IN DISCOURSE OF SOCIAL-CULTURAL ANTHROPOLOGY

Ovchinnikov Aleksandr Viktorovich, Ph. D. in History Kazan' National Research Technological University ovchinnikov8 831@mail.ru

The author for the first time in the historiography of L. N. Gumilev's works study raises the problem of the structural correlation of the content of historical compositions (myths) and social practices of the originating environment made within the framework of the "theory of ethnogenesis", as the methodology of scientific analysis suggests the approaches developed in social-cultural anthropology, reveals the heuristic potential of methodological tools, and outlines the further study of the problem from the perspective of the concept "archaic syndrome".

Key words and phrases: social-cultural anthropology; L. N. Gumilev; myth; community; ethnicity; ethnogenesis; primordialism; chimera; archaic syndrome.